

Дата публикации: 23 июля 2021

DOI: [10.52270/27132447_2021_7_3](https://doi.org/10.52270/27132447_2021_7_3)

ДИНАМИКА КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ В КОНТЕКСТЕ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Бахтин Виктор Викторович¹

¹Кандидат исторических наук, доцент, преподаватель истории и права гимназии имени академика Н.Г. Басова при Воронежском государственном университете, Воронеж, Россия,
E-mail: bakhtin2009@yandex.ru

Аннотация

В статье на основе архивных и опубликованных источников рассматривается социальная дифференциация крестьянства в 1920-е гг. Акцент делается на характеристике высших групп нэповской деревни, которые относились к хозяйствам кулацкого типа. Земля как фактор производства в условиях нэпа (государственная монополия на землю) не являлась главным критерием роста благосостояния. Зажиточное крестьянство приобретало сложный сельхозинвентарь, открывало промышленные предприятия, то есть вкладывало свой капитал в производственную сферу. Крестьянство с помощью аренды стремилось расширить посевные площади для дальнейшего подъема своего хозяйства. Критерии отнесения крестьянских хозяйств к беднякам, середнякам, зажиточным, кулакам не были четко определены. В 1926 г. была предпринята попытка более четкого учета различий с разбивкой крестьянских хозяйств на 18 групп. В 1920-е годы возродилось стремление крестьянства к хуторскому и поселковому землепользованию. Процесс выделения на хутора активно шел на юге Воронежской области, где имелись территории свободных земель.

Ключевые слова: крестьянство, новая экономическая политика, социальная стратификация, сельское хозяйство, хутор, Центральное Черноземье.

I. ВВЕДЕНИЕ

Сельское хозяйство было основой традиционного общества. Модернизационные процессы конца XIX – начала XX вв. медленно проникали в крестьянскую среду [16]. Положительный потенциал агротехнологических преобразований П.А. Столыпина был прерван революционными событиями 1917-1918 г. и Гражданской войной. Крестьянство, перераспределив землю помещиков, создало условия для изменений в их собственном хозяйстве и в жизни всего общества. Многие бедные крестьяне получили землю, в то время как более богатые большую ее часть потеряли. Социальное расслоение на селе значительно уменьшилось, и можно с полным основанием говорить об определенном «равенстве» крестьянства. Оно выразилось, прежде всего, в выдвижении на селе так называемого середняка.

Революция привела к возникновению на селе множества мелких семейных хозяйств, в большинстве своём способных обеспечить лишь потребности собственной семьи, с очень малыми излишками для реализации на рынке [8, с. 32].

Новая экономическая политика, провозглашенная в марте 1921 г., предусматривала стимулирование в новых условиях частнопредпринимательской деятельности, развитие рыночных институтов, что, естественно, вызывало и социальную трансформацию крестьянства.

II. МЕТОДОЛОГИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Основным научным инструментом для получения объективной картины социально-экономических процессов в годы НЭПа являлся фундаментальный принцип историзма. Другим важным принципом исследования был принцип целостности, который предоставивший возможность осуществить анализ изучаемой темы.

Применение принципа объективности в данной работе определило объективное и нейтральное изучение неоднозначных процессов нэповской деревни. Социально-экономическая история России в период новой экономической политики устойчиво сохраняет научное и общественное внимание. Особый всплеск интереса к данной теме произошел в условиях нового реформирования советской системы, которая искала в условиях трансформации эффективные методы, альтернативы командно-административной системы, при этом наблюдалась положительная оценка нэпа. Исследователи Е. Г. Гимпельсон [12], И. Б. Орлов [21], А. М. Селиванов [22] изучали динамические процессы нэповской деревни, политические настроения населения, эволюцию экономических мероприятий, осуществляемых большевиками. Из новейших работ отметим обстоятельные монографии А. Ю. Давыдова [14], И. И. Климина [19].

Исследованием социально-экономических процессов истории в годы нэпа в Центральном Черноземье занимаются региональные исследователи В. В. Бахтин [8-10], И. В. Гончарова [13], С. А. Есиков [17], М. М. Есикова [18], С. И. Корчагина [20], И. Д. Петришина [24] и другие [15, 23].

III. РЕЗУЛЬТАТЫ

Годы новой экономической политики стали периодом поиска путей дальнейшего развития. Возврат к рыночной экономике, признание частной собственности, легализация частного предпринимательства способствовали прогрессу социально-экономических отношений. Воронежская губерния также обладала особой социально-экономической спецификой. По данным на 1 января 1924 г. губерния включала 12 уездов и 214 волостей. После районирования в июне 1924 г. губерния была разделена на 9 уездов и 92 волости. Площадь губернии составляла 65,3 тыс. км. На данной территории проживало 3200,8 тыс. человек, в том числе городского – 298,7 тыс. чел. и сельского 2 902,1 тыс. населения [9, с. 35]. Как видно из приведенных данных, регион являлся традиционным, аграрным с низким уровнем урбанизации.

В годы нэпа основным элементом расслоения деревни являлась не земля, поделенная на началах уравнительного землепользования, а избыточные средства производства: рабочий скот, улучшенный инвентарь, сельхозмашины. В связи с этим, крупные крестьянские хозяйства развивались по линии предпринимательской сдачи внаем сельхозорудий, рабочего скота, дополнительной аренды земли. Зажиточные крестьяне постоянно отказывались от заключения кабальных сделок и переходили к операциям законного типа. Это было связано, в том числе, и с легализацией аренды земли и наемного труда в 1925 г. В губернии арендовали землю 816 хозяйств, которые составляли 3 % от общего числа

всех крестьянских хозяйств Они распределялись следующим образом: без посева – 0; с посевом до 1 десятины – 9 или 0,2 % по отношению ко всем хозяйствам в этой посевной группе; с посевом от 1.1 до 2 десятин – 53 или 0,7 %; от 2,1 до 3 десятин – 86 или 1 %; от 3,1 до 4 десятин – 130 или 3 %; от 4,1 до 6 десятин – 218 или 5 %; от 6,1 до 8 десятин – 137 или 10%; от 8,1 до 10 десятин – 76 или 10 %; от 10,1 до 16 десятин – 78 или 20 %; свыше 16 десятин – 29 или 50 % [11, с. 142-143].

Число арендаторов земли было незначительным. Однако оно заметно увеличивалось в верхних посевных группах, достигая 50 % всех крестьянских хозяйств. Появление дополнительной земли служило в малопосевных и среднепосевных хозяйствах средством улучшения своего материального положения, а в крупнопосевных (свыше 10 десятин) давало возможность значительно увеличивать товарность своего хозяйства.

Крестьянство с помощью аренды стремилось расширить посевные площади для дальнейшего подъема своего хозяйства. При этом в общей массе арендаторов преобладали представители средних и высших посевных групп, а сдавали землю исключительно крестьяне малопосевных групп.

В 1926 г. арендовали землю уже 14,7 % крестьянских хозяйств Воронежской губернии. По числу арендаторов земли губерния была на 4 месте в РСФСР, уступая АССР Немцев Поволжья, Северному Кавказу и Вятской области [24].

В деревне были широко использованы два вида наемных работ. Первый, широко распространенный в то время – супруга. Крестьяне объединялись друг с другом на определенное время, чтобы более успешно вести посевные работы. Поэтому взаимный наем, взаимопомощь фактически имели место в низших группах.

В высших группах, главным образом в посевных группах свыше 16 десятин на двор, наем рабочей силы носил в большинстве случаев характер предпринимательской эксплуатации наемного труда. В связи, с чем в этих группах резко возрастал процент хозяйств, использовавших наемный труд – 17,2 % [11, с. 142-143].

В 1926 году был несколько изменен подход при изучении проблемы социального расслоения деревни. Стали осуществлять разбивки посевных групп на более мелкие группы, чтобы более точно уточнить экономическую мощь отдельных групп крестьянских хозяйств [21, с. 18]. Особая комиссия Воронежского Губкома, изучавшая классовое расслоение деревни, отмечала, что земля является главным фактором, определившим хозяйственную «оснастку» крестьянского хозяйства. Наиболее наглядно, по их мнению, эта зависимость проявилась в следующем: чем меньше хозяйство имеет земли, тем они менее обеспечены рабочим и продуктовым скотом и наоборот [5, с. 3]. Новая группировка крестьянских хозяйств позволяет выявить крупные крестьянские хозяйства. Однако необходимо учитывать, что весенний опрос 1926 г. также был выборочным и не устанавливал общую численность.

В губернии были зарегистрированы довольно крупные хозяйства: так было выявлено 1376 хозяйств с посевами от 10 до 16 десятин или 2,3 % от абсолютного числа обследованных хозяйств и 240 хозяйств свыше 16 десятин или 0.4 % [3, л. 5].

Приведем число хозяйств, ранее объединяемых в группу свыше 16 десятин, в соответствии с новым подходом: 13 группа (с посевами от 16.1 до 20.9 десятин) – 159; 14-ая (20.1 - 25.9) – 57; 15-ая (25.1 - 30.9) – 14; 16-ая (30.1 - 40.9) – 8; 17-ая (40.1 - 50.9) – 1 и 18-ая (свыше 51.1) – 1. Представителей крупнопосевных групп было незначительное количество.

На основании обследования 1926 г. и архивных данных можно проанализировать хозяйства двух высших групп, так как они являлись единичными и, следовательно, сведения реально отражали их состояние. Так, крупнопосевное хозяйство от 40,1 до 50,9 десятин было обследовано в Россошанском уезде. Оно состояло из 11 человек, имело 63 головы рабочего и продуктового скота, кроме наделенной пашни, арендовали еще 24 десятины. Самое крупное хозяйство 18 группы было выявлено в Нижнедевицком уезде. Оно являлось также многосемейным – 49 человек. Площадь наделенной пашни - 60,6 десятин, арендованной – 11,3 десятины, поголовье стада насчитывало 128 голов. Высшие по посевам группы являлись многосемейными с достаточным количеством земли и скота на 1 человека: в

17 – 4,6 десятины и 5,7 голов скота; в 18 – соответственно, 1,4 и 2,6. Хозяйство семнадцатой группы даже было лучше обеспечено, чем хозяйство высшей группы [3, л. 26]. Среднегубернские данные по обеспеченности пашней, без учета арендованной земли на 1 человека - 1 десятина, а по скоту - 1,1 головы [23, с. 210-215]. Учитывая это, можно сделать вывод: обеспеченность в крупнопосевных группах была в несколько раз выше среднегубернских показателей.

В связи с тем, что 2 последние высшие группы были обследованы в Россошанском и Нижнедевицком уездах, проанализируем хозяйственную дифференциацию крестьянства в данных уездах. Так, было выявлено в Россошанском уезде: 13 группы – 51 хозяйство, 14 – 16, 15 – 2 и 17 – 1; в Нижнедевицком уезде – 13 – 5; 14 – 2 и 18 – 1. Итого, крупнопосевных свыше 16 десятин в уездах: Россошанском было 70, Нижнедевицком - 8. Данное соотношение как раз показывало, что в южных уездах процент зажиточных хозяйств был выше, чем в северных уездах Воронежской губернии. Так, например, в Россошанском уезде с посевами свыше 10 десятин было 7 960 хозяйств, в Нижнедевицком - 1 141 [6, л. 13; 7, л. 124].

В последующие годы происходило уменьшение числа крупнопосевной группы за счет семейных разделов.

Основательный анализ социальной дифференциации крестьянства был сделан специальной комиссией губкома ВКП (б) по изучению классового расслоения Воронежской губернии. Материалы, которой представляют исключительное научное значение и в настоящее время.

Комиссия использовала и разработала материалы за различные периоды, положив в основу результаты сплошного обследования села Ольховка Нижне-Матренской волости Усманского уезда и с. Казинка Погромской волости Валуйского уезда, принимая их как типичные для менее зажиточных северных уездов (с. Ольховка), так и для зажиточных южных уездов (с. Казинка). Сплошная перепись учла в с. Ольховка - 532 хозяйства и в с. Казинка - 517. Всего было обследовано 1059 хозяйств [1, л.10-83].

Комиссия установила по признакам величины посева 5 основных групп и 1 как «самостоятельную».

1. «Беспосевная» - «самостоятельная», имевшая внутри себя разные социальные прослойки. Они получали средства к существованию от сдачи в наем рабочей силы. В этой группе имелся незначительный процент хозяйств служащих, кустарей, торговцев.

2. «Бедняцкая» - группа с посевом до 3 десятин.

3. «Середняцкая» с посевом от 3-х до 8 десятин, которая разграничивалась на две подгруппы: от 3 до 4-х десятин - слабые; от 4-х и выше - зажиточные.

4. «Группа зажиточных хозяйств» с посевом от 8 до 10 десятин, не отнесенных к кулацкой группе, ввиду наличия многосемейных хозяйств. Хотя, по мнению губернской комиссии, эта группа по признакам стоимости средств производства и наличия орудий труда, использования наемного труда, могла быть отнесена к последней группе.

5. «Кулацкая группа» с посевом от 10-ти и выше. Мощность этих хозяйств определялась не только величиной посевной площади, но и наличием «хозяйственной цели средств эксплуатации». Данная группа крестьянства имели стремление не только к обеспечению сложным инвентарем, но и промышленным предприятием. Это достигалось часто в ущерб расширению посевных площадей [1, л. 10].

Приведенная подробная характеристика основных посевных групп содержит ряд важных моментов. Во-первых, при их определении наряду с критерием величины посевов приводились и другие: доходность, стоимость и наличие средств производства, использование наемного труда. Во-вторых, указана в последней группе, так называемая «хозяйственная цель средств эксплуатации», которая, на наш взгляд, является предпринимательской целью, направленной на получение прибыли. В-третьих, «упорное стремление к обеспечению сложным инвентарем» - показывает именно наметившуюся тенденцию в крестьянской среде к вложению капитала в интенсификацию своего хозяйства и

производственную сферу. В-четвертых, «стремление к промышленным предприятиям» характеризовало кулаков как предпринимателей с определенным инновационным поведением, готовых идти на определенный риск даже «в ущерб расширения посевных площадей» и начать осуществлять новую деятельность, позволявшую им получить больший процент прибыли.

Проанализируем так называемую «кулацкую» группу, которую традиционно относят к хозяйствам предпринимательского типа. По своей численности она имела превосходство в с. Казинка (46 хозяйств), в с. Ольховка всего 9. Средний размер посева в южном селе составлял 12,7 десятин, в северном - 11,8. Рыночными культурами засеивалось, соответственно, 60 % и 25 % посевных площадей. Источниками доходов были различные статьи. В обследованном селе Валуйского уезда преобладало «только сельское хозяйство - 52 %», а в Усманском - «сельское хозяйство с промыслами» - 67 %. Торгово-промышленные заведения являлись основным источником в с. Казинка 2,2 % хозяйств, а в с. Ольховка - 22 %. Такое соотношение показывает, на наш взгляд, различное приложение средств в южных и северных уездах. Если в первых, крестьянство направляло их на развитие рыночных культур, приобретение усовершенствованного инвентаря, увеличение поголовья скота, то во втором наибольшее приложение получало открытие торгово-промышленных предприятий, позволявших получать значительно больший процент прибыли. Так, в южном селе рабочий скот был у всех кулацких хозяйств, а в северном - в 88,9 %. Хозяйств свыше 2 голов не было в с. Ольховка, а в с. Казинка их насчитывалось 8,7 % в своей группе. Обеспеченность коровами была несколько иной: в Валуйском уезде - 5 хозяйств без коров — 11 %, 29 — с 1 коровой - 63 %, 12 - с 2 коровами - 26 %; в Усманском - без коров не было ни одного хозяйства, с 1 коровой - 7 хозяйств или 78 %, с 2 коровами - 2 хозяйства или 22 %. В среднем на одно крестьянское хозяйство «кулацкой группы» в с. Казинка приходилось рабочего скота - 1,5 головы, коров - 1,2; в с. Ольховка, соответственно, 1,4 и 1,2. Таким образом, обеспеченность рабочим скотом была выше в южном уезде Воронежской губернии. Стоимость средств производства была, в основном, 1 -1,5 тыс. руб. Хотя в некоторых хозяйствах она была значительно выше. Количество сложного сельхозинвентаря отражало общую тенденцию. В с. Казинка - 89 % крестьянских хозяйств кулацкой группы имели его, а в с. Ольховка - только 33 %. Значительное распространение получил наем рабочей силы. Большая часть хозяйств использовала труд поденных и сезонных рабочих.

В целом, число крепких хозяйств увеличилось в 1927 г. по сравнению с 1925 г.: в с. Казинка Погромской волости с 14 до 46 хозяйств, то есть в 3,3 раза, а в с. Ольховка Нижне-Матренской волости с 1 до 9 хозяйств или в 9 раз.

Хозяйственное расслоение - это действительное явление деревни периода НЭПа. Однако критерии отнесения крестьянских хозяйств к беднякам, середнякам, зажиточным, кулакам четко определить невозможно. Довольно трудно по отдельным критериям определить хозяйства предпринимательского типа, так как мы видим, что даже в кулацкой группе были хозяйства без рабочего скота и без коров. Тем не менее, можно выявить общие черты, характерные для крестьянских хозяйств предпринимательского типа:

- 1) обеспеченность рабочим и продуктовым скотом;
- 2) наличие инвентаря, а особенно, сложных сельхозмашин и усовершенствованного инвентаря;
- 3) разведение «посевных» культур;
- 4) наличие торгово-промышленных заведений.

Наемный труд, основополагающий для выделения кулацкого хозяйства в годы нэпа и последующие, на наш взгляд, важный, но не основной. Дело в том, что в настоящее время широко применяется термин «малый бизнес», где, в принципе, основой является не наемный, а личный труд. В связи с этим причисление крестьян к кулачеству только на основании использования наемного труда в хозяйстве не совсем верно.

Зажиточное крестьянство приобретало сложный сельхозинвентарь, открывало промышленные предприятия, то есть вкладывало свой капитал в производственную сферу. Кроме того, партийные функционеры считали, что кулаки приспособивались к общей крестьянской массе: не приобретали

хорошей одежды, избегали вкладывать капитал в постройки. И поэтому с полным основанием можно утверждать, что предпринимательские слои еще оставались слоем внутри крестьянства, еще сохраняли единство образа жизни и многих интересов.

Итак, в Воронежской губернии существовал слой сельских предпринимателей. К ним можно отнести как середняков - мелких товаропроизводителей, так и зажиточных крестьян, кулаков. В сельской местности был особый слой хуторян-фермеров. Его формирование началось в период столыпинской аграрной реформы. Наметившиеся в начале XX в. переселение крестьян на хутора продолжалось и в 1920-е гг. В начале 1923 г. секретарь Воронежского губкома партии Я.Б. Быкин в закрытом письме в ЦК РКП (б), освещая вопрос о расслоении деревни, писал, что в губернии были выявлены две основные группы: «крепкие хозяйства» и «деревня Советская». Он характеризовал их следующим образом: первая - активно проявляла себя - расширяла свое хозяйство, стремилась уйти на хутора, приобретала «живой» и «мертвый» сельхозинвентарь; вторая - являлась большинством деревни и ждала помощи от власти [2, л.19].

В первый год относительно благоприятных условий для развития сельского хозяйства, крестьянство стремилось перебраться на хутора, и инициатива в большинстве случаев, принадлежала зажиточным слоям деревни, хотя и бедняки также переселялись в новые поселки.

Рост главным образом наблюдался у хуторов и поселков, отрубы образовывались крайне редко.

В 1925 г. в Воронежской губернии насчитывалось 214 селений до десяти дворов с 1112 хозяйствами и 744 населенных пункта с 20974 хозяйствами. Хуторяне были сравнительно лучше обеспечены и землей, и скотом. Так, в населенных пунктах до десяти дворов с посевами свыше 16 десятин земли насчитывалось - 101 двор или 9% от их общего числа, хозяйств с четырьмя и более головами рабочего скота - 103, или 9,3 %, а в крупных сёлах свыше тысячи жителей - эти показатели выражались в следующих соотношениях - 0,3 % и 0,8 % [11, с. 142].

Проанализируем один из хуторов Воронежской губернии на примере х. Ленина Острогжского уезда. Местные партийные, советские работники и население считали его «кулацким поселком». Число дворов в нем увеличилось за три года с 73 до 83, то есть на 11 %. В среднем на 1 двор приходилось 28 десятин пашни, а по губернии - 2,9. Жители хутора были обеспечены лучше землей почти в четыре раза. Произошел значительный рост количества лошадей, если в 1923 г. их было 44, то в 1926 г. - 73, т.е. на 66 %. Число волов увеличилось на 80 %. Темпы роста рабочего скота в хуторе Ленина превышали общегубернские на 32 %. Хуторяне активно приобретали сельскохозяйственный инвентарь. Так, в 1924 г. было 186 сельхозорудий, в среднем на одно хозяйство приходилось - 2,3. В 1926 г. - число их увеличилось до 223 и на одно хозяйство приходилось - 2,7. При этом наблюдалось возрастание числа сельхозмашин: сеялок с 4 до 7, косилок с 2 до 6, веялок с 20 до 26, молотилок с 5 до 8.

Хуторяне, как более зажиточные крестьяне, при подъеме своего хозяйства активно вкладывали средства в орудия производства, тем самым еще более укрепляя его.

Обеспеченность плугами была выше в хуторе, чем в целом по волости. Сеялок в начале было несколько больше в волости, но в 1926 г. ситуация изменилась. Хуторяне были ими обеспечены лучше, чем крестьяне в волости. Рабочим скотом были также лучше обеспечены в хуторе, нежели в волости. Коров на 100 душ приходилось: в хуторе - 17,4, а по волости - 13,8. Хуторяне в значительной степени были лучше обеспечены рабочим скотом, сельхозорудиями [4, Д. 280. л. 19-22].

Процесс выделения на хутора активно шел на юге Воронежской области, где имелись, в какой-то степени, свободные земли. Однако он был присущ и другим уездам. Образование новых поселков происходило в основном с 1923 по 1927 г., а затем было приостановлено.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В годы нэпа в крестьянской среде начались важные качественные изменения. В структуре посевных площадей стали занимать все больше места технические культуры. Помимо роста посевных площадей необходимо сопоставить данные урожая основных культур. Урожайность в 1927 г. превышала довоенные показатели по ржи и картофелю. Довольно низким являлся урожай озимой пшеницы. По остальным культурам она в отдельные годы приближалась к уровню, или даже была выше. Восстановление посевных площадей и приближение урожайности к дореволюционному уровню привело к быстрому увеличению поголовья скота в Воронежской губернии.

Количество лошадей составляло в 1927 г. 63 %, поголовье овец – 72 % к уровню 1916 г. Количество коров, наоборот, его превышало на 17 %. Валовой доход от животноводства составил около 53 млн. руб. или 22,5 % всего дохода от сельского хозяйства.

Заметную роль в общей системе сельского хозяйства играло животноводство. Большой спрос на животноводческую продукцию и на сам скот, как внутри губернии, так и в целом по стране, создавали предпосылки для дальнейшего развития этой отрасли сельского хозяйства.

Постепенно увеличивалась товарность крестьянских хозяйств, достигнув в среднем в 1926/27 г. 66% от довоенного уровня. Валовой доход сельского хозяйства постепенно приближался к дореволюционному уровню. Крестьянство активно расширяло посевные площади под технические культуры, которые давали наибольший доход. Происходил рост товарной массы и валовой продукции сельского хозяйства. Он находился в прямой пропорции с развитием промышленности, так в большинстве своем, она специализировалась на переработке сельскохозяйственной продукции. В целом валовой доход сельскохозяйственного производства на душу населения приблизился к довоенному уровню в 1928 г.

Достижение основных довоенных показателей в области сельскохозяйственного производства свидетельствовало о значительном улучшении экономического состояния крестьянства. Стремясь укрепить свое хозяйство, они тем самым способствовали общему подъему аграрного сектора экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доклад, таблицы, выводы, предложения комиссии губкома ВКП(б) по изучению классового расслоения Воронежской деревни // Там же. Ф.1. Оп.1. д. 1762. 90 л.
2. Закрытые письма секретаря губкома Быкина Я.Б. ЦК РКП(б) о состоянии партийной, советской и хозяйственной работы в губернии // ГАОПИ ВО. Ф.1. Оп.1. Д. 706. 50 л.
3. Материалы комиссии губкома ВКП(б) по изучению вопроса классового расслоения Воронежской деревни // ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. В 2-х т.: Т. 1. Д. 1748. 125 л.; Т. 2. Д. 1749. 123 л.
4. Материалы комиссии ЦКК ВКП(б) по обследованию Лискинской и Луценковской волости Острогожского уезда // ГАОПИ ВО. Ф.105. Оп. 1. В 5-ти т. Д. 278-281.
5. Отчет о результатах обследования Демшинской волости Усманского уезда // ГАОПИ ВО. Ф.1. Оп.1. Д. 1212. 15 л.
6. Отчетные доклады о работе укома ВКП(б) // ГАОПИ ВО. Ф.105. Оп. 1 Д.146. 190 л.
7. Протокол XVII Нижнедевицкой уездной партийной конференции и материалы к нему // ГАОПИ ВО. Ф.1676. Оп.1 Д.389. 147 л.

8. Бахтин В.В. Возрождение частного предпринимательства в начале 1920-х гг. (региональный аспект). Воронеж: ВФ РосНОУ, 2007. 123 с.
9. Бахтин В.В. Социально-политическая активность населения в годы нэпа: микроанализ на примере Воронежской губернии РСФСР // The NEP Era. 2009. Т. 3. С. 35-73.
10. Бахтин В.В. Частный предприниматель Воронежской губернии в условиях новой экономической политики. Воронеж: Научная книга, 2008. 132 с.
11. Воронов И. К. Групповой состав воронежской деревни: (К вопросу о расслоении). Воронеж: Воронежск. губисполком, 1925. 271 с.
12. Гимпельсон Е. Г. НЭП. Новая экономическая политика Ленина-Сталина: проблемы и уроки (20 гг. XX в.). М.: Собрание, 2004. 303 с.
13. Гончарова И. В. Особенности социально-экономического развития Орловского крестьянства в период новой экономической политики (1921-1927 гг.) // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2010. № 3 (11). С. 73-78.
14. Давыдов А. Ю. Новая экономическая политика: власть, народ, хозяйство в послереволюционной России (1921-1929). СПб: Евразия, 2021. 317 с.
15. Ершов Б.А., Золотухин Н.Н., Федоров А.А. Формирование и регулирование налоговой политики в России // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2019. № 3 (20). С. 151-156.
16. Ершов Б.А. Роль церкви в жизни дворян и крестьян в губерниях Центрального Черноземья в XIX веке // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 11. С. 5-10.
17. Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010. 246 с.
18. Есикова М. М. Деятельность агрономических участков в Центральном Черноземье в годы нэпа // Вопросы современной науки и практики. 2011. № 1 (32). С. 336-340.
19. Климин И. И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921-1927): в 2-х ч.. СПб: Изд-во Политехнического ун-та, 2007. Ч. 1. 427 с. Ч. 2. 308 с.
20. Корчагина С. И., Черепухина В. С., Чернявская Е. Н. Социально-экономическое развитие СССР в 1920 - 1930 годы XX века // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2021. №9 (11). P. 55-64.
21. Орлов И. Б., Пахомов С. А. «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. М.: Собрание, 2007. 159 с.
22. Селиванов А. М. Социально-политическое развитие советской деревни в первые годы новой экономической политики (1921—1925 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1987. 204 с.
23. Шереметьев В.И., Печенов А.В. Состояние деревни Воронежской губернии весной 1926 года. [Воронеж]: Ворон. губстатотд., 1927. 244 с.,
24. Шмелев Г.И. Наемный работник или хозяин на земле. М.: Знание, 1990. 63 с.
25. Ashmarov I.A. The evolution of the labour market in Soviet Russia and the USSR in the 1920s // Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research. 2018. №1. P. 38-486.
26. Petrishina I.D. Domestic craft activities of the Voronezh peasants under new economic policy // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Т. 11. № 18.

DYNAMICS OF PEASANT FARMS IN THE CONTEXT OF THE NEW ECONOMIC POLICY

Bakhtin, Victor Viktorovich¹

¹Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Teacher of History and Law of the Academician N. G. Basov Gymnasium at Voronezh State University, Voronezh, Russia,
E-mail: bakhtin2009@yandex.ru

Abstract

The article examines the social differentiation of the peasantry in the 1920s on the basis of archival and published sources. The emphasis is on the characteristics of the higher groups of the NEP village, which belonged to the Kulak-type farms. Land as a factor of production in the conditions of the NEP (state monopoly on land) was not the main criterion for the growth of welfare. The well-to-do peasantry acquired complex agricultural equipment, opened industrial enterprises, that is, invested their capital in the production sphere. The peasantry, with the help of rent, sought to expand the acreage for the further development of their economy. The criteria for classifying peasant farms as poor, middle-class, well-to-do, kulaks were not clearly defined. In 1926, an attempt was made to take into account the differences more clearly with the breakdown of peasant farms into 18 groups. In the 1920s, the desire of the peasantry to farm and village land use was revived. The process of allocating farms was actively underway in the south of the Voronezh Region, where there were territories of free land.

Keywords: peasantry, new economic policy, social stratification, agriculture, farmstead, Central Chernozem region.